

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 17

1905 г.

сентября 1-го.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

П о э т у.

Нѣтъ, не луны, не звѣздъ сіянье,
Не шепоть трепетной волны
Поэты воспѣвать должны,—
Не въ этомъ нынѣ ихъ призванье!..
Есть ближе и важнѣе темы,
Вопросовъ жгучихъ жизнь полна:
На нихъ отвѣта ждетъ страна,
Живого слова жаждемъ всѣ мы.
Намъ обѣщаютъ жизнь иную,
Идетъ о думѣ Царской рѣчь;
Но кто поможетъ сбросить съ плечъ
Намъ сонъ, безпечность, лѣнь родную?

Кто силы дастъ святое дѣло
Избраннымъ людямъ совершить,—
Царю и родинѣ служить
Самоотверженно и смѣло?..

Поэтъ-пророкъ, явись межъ нами,
Иди предъ всѣми впереди
И вдохновенными рѣчами

Надежду, вѣру въ насъ буди!
Явись же къ намъ пророкъ-поэтъ:

Поэты наши такъ безсильны,
Въ ихъ пѣсняхъ намъ отрады нѣтъ,—
Онѣ такъ скучны, замогильны...

Нѣтъ, не унылаго пѣвца

Живые люди жаждутъ видѣть:

Поэтъ любить и ненавидѣть

Со зломъ бороться до конца

И къ свѣту новые пути

Повѣдать долженъ міру смѣло,

Поэта истиннаго дѣло—

Впередъ, къ добру людей вести!..

И ты, намъ правду говоря,

Утѣшь, обрадуй сердце наше,

Что Русь по манію Царя

Возстанетъ вновь сильнѣе, краше!..

Священникъ *Аоанасій Веселичкій.*

Воспоминанія о Преосвященнѣйшемъ Мелетіи, Епископѣ Рязанскомъ и Зарайскомъ (урожден- цѣ Вятской епархіи).

Наши воспоминанія о Преосвященнѣйшемъ Епископѣ Мелетіи относятся къ тому еще времени, когда Преосвященный былъ викаріемъ Иркутской епархіи и жилъ въ Читѣ, областномъ городѣ Забайкальской области (1878—1888 г.г.); мы помнимъ его съ 1887 г. до 1889 г., т. е. до времени отправленія его на самостоятельную архіерейскую кафедру въ г. Якутскъ (въ авг. 1889 г.). Давно было у насъ сильное желанье подѣлиться съ читателями Вятскихъ Епарх. Вѣдомостей своими воспомина-ніями о Преосвященномъ, который былъ родомъ изъ Вятской епархіи, Нол. у., с. Нѣмскаго (род. въ 1835 г.) и, вѣроятно, многіе изъ Вятскихъ о. Батюшекъ еще помнятъ его или какъ товарища по ученію въ Вятской дух. Семинаріи (оконч. курсъ въ 1856 г.), или какъ учителя и сослуживца по Вятскому дух. училищу (1857—1858 г.г.), или же, наконецъ, по случайнымъ встрѣчамъ съ нимъ и душевнымъ разговорамъ о немъ другихъ лицъ. Въ послѣднее же время, при разборѣ писемъ, мы нашли письма къ намъ Преосв. Мелетія, который писалъ намъ въ разное время изъ Читы и Якутска; вновь прочитавъ содержанье этихъ писемъ и увидѣвъ знакомый, характерный почеркъ Архипастыря, мы невольно перенеслись своими мыслями къ тому мѣсту и времени, гдѣ и когда мы встрѣтились и познакомились съ тѣмъ Архипастыремъ, образъ котораго съ того времени былъ непрестанно предъ нами и навсегда запечатлѣлся въ нашемъ сердцѣ. Вновь предъ нами всталъ величественный и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно кроткій, дышавшій любовью, ласкою и добротою образъ Преосвященнаго; мы вспомнили его необыкновенно ласковое отношенье къ намъ, душевные разговоры и рѣчи того, большой фотографическій портретъ котораго виситъ предъ нами

на стѣнѣ съ собственноручною его многоговорящею подписью. Можетъ быть, наши нынѣшнія воспоминанія о Преосв. Мелетіи побудятъ кого-н. приняться за составленіе его обстоятельной біографіи, за приведеніе въ извѣстность и систему плодотворной его миссіонерской дѣятельности и апостольскихъ трудовъ въ Забайкальской и Якутской областяхъ. Тѣмъ болѣе, что въ настоящее время благополучно здравствуютъ еще тѣ лица, которыя были ближайшими и непосредственными сотрудниками и очевидцами его апостольской дѣятельности среди многочисленныхъ сибирскихъ инородцевъ. Эти лица, какъ мы думаемъ, съ большимъ удовольствіемъ и очень охотно сообщатъ, по первой же просьбѣ, все то, что написано и сохранилось въ благодарной памяти сибиряковъ о кроткомъ и добромъ Епископѣ Мелетіи. Далекая Сибирь никогда не забывала и не забудетъ тѣхъ своихъ многочисленныхъ тружениковъ, которые нѣкогда принесли тѣмъ или другимъ путемъ какую-л. пользу этому обширному отдаленному краю. Хорошая и прекрасная память о великихъ миссіонерскихъ подвигахъ почившаго Архипастыря, о его широкой и щедрой благотворительности, готовности оказать посильную помощь ближнему, о необыкновенно простомъ и кроткомъ характерѣ, общедоступности для каждаго—живетъ и сохраняется свято среди жителей Иркутска, на берегахъ быстрой и прозрачной Ангары, на берегахъ величественнаго и бурнаго Байкала, въ Читѣ, Забайкальской Дауріи (Сибирской Италіи), въ далекомъ и холодномъ Якутскѣ, на берегахъ живописной Лены, Витима и Олекмы. Съ любовью и благодарностью вспоминаютъ о своемъ добромъ и кроткомъ учителѣ вѣры и благочестія тѣ многочисленные тысячи бурятъ, якутовъ, тунгусовъ и проч. инородцевъ Сибири, которые впервые услышали дивную проповѣдь о Спасителѣ изъ кроткихъ и ласковыхъ устъ миссіонера-епископа, и, оставивъ вѣковыя свои языческія вѣрованія, священнодѣйствія и обряды, восприняла великое таинство крещенія, сдѣлавшись, так. обр., членами Христовой Церкви.

Очень рано Владыка сталъ подготовлять себя къ высокому миссіонерскому служенію; еще въ бытность свою въ Вяткѣ, тотчасъ по окончаніи семинарскаго курса, будучи учителемъ Вятскаго дух. училища и надзирателемъ за воспитанниками семинаріи, постриженный въ рясофоръ, поселился онъ въ Успенскомъ Трифономъ монастырѣ; поступивъ въ Казанскую дух. академію въ 1858 г., онъ принялъ монашество въ 1859 г. и вмѣсто Михаила Косьмича Якимова сдѣлался іеродіакономъ Мелетіемъ. Вскорѣ молодой миссіонеръ, іеродіаконъ Мелетій, является на берегахъ Байкала, въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, въ началѣ 1862 г.; въ 1865 г. мы видимъ его въ санѣ іеромонаха на границахъ Монголіи, въ 1873 г. іером. Мелетій, по волѣ Высокопреосв. Иркутскаго Веніаміа, сновитися уже архимандритомъ и начальникомъ Иркутскаго отдѣла духовной миссіи и настоятелемъ Ниловой пустыни въ Саянскихъ горахъ. Въ 1878 г. архимандритъ Мелетій получилъ за свои миссіонерскіе труды санъ епископа (Селенгинскаго) и былъ назначенъ викаріемъ Иркутской епархіи и начальникомъ Забайкальской духовной миссіи. Въ 1888 г. епископъ Мелетій былъ назначенъ на самостоят. Якутскую кафедру, а въ 1896 г. онъ былъ уже епископомъ Рязанскимъ и Зарайскимъ, въ каковомъ званіи и окончилъ свое земное служеніе 14 января 1900 г., 8 ч. веч. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Преосв. Мелетій всѣ свои молодые, юношескіе годы провелъ вдали отъ родины, не видя близкихъ, родныхъ ему лицъ; далекая въ то время Сибирь сдѣлалась второю его родиною; здѣсь на суровыхъ, величественныхъ берегахъ бурнаго Байкала, въ Посольскомъ монастырѣ, въ живописной, горной Тункѣ, въ Саянскихъ горахъ, онъ нашелъ себѣ тихое пристанище; здѣсь онъ почерпалъ новыя силы для дальнѣйшаго своего труднаго миссіонерскаго служенія. Окружающіе его инородцы сдѣлались близкими, дорогими для него людьми, для просвѣщенія которыхъ свѣтомъ христіанскаго ученія онъ не щадилъ своихъ слабыхъ силъ и здоровья; часто его жизнь подвергалась

различнымъ опасностямъ; во время частыхъ развѣздовъ по дѣламъ миссіи онъ переправлялся чрезъ быстрыя горныя рѣчки и потоки, которые послѣ дождей превращались въ бурныя, грозныя рѣчки. Путешественникъ, переѣхавъ чрезъ небольшой горный ручей, чрезъ полчаса, или даже менѣе, уже не можетъ переправиться чрезъ него обратно: тотъ небольшой ручей, чрезъ который онъ недавно проѣзжалъ, превращался въ быструю и грозную рѣку, яростный ревъ которой слышался за нѣсколько верстъ; пѣнистыя волны съ шумомъ и грохотомъ стремительно несутся впередъ, увлекая за собою большія деревья и каменные глыбы. Страшно становится за того смѣльчака, который, рискуя своею жизнью, рѣшается на опасную переправу. Дѣла же миссіи и обязанности миссіонера часто являются очень важными и неотложными... И вотъ молодой миссіонеръ, сотворивъ крестное знаменье, смѣло вмѣстѣ съ конемъ опускается въ клокочущую пѣнистую бездну... Богъ хранить ревностнаго молодого инока; онъ на другомъ берегу, готовый на новые миссіонерскіе подвиги и опасности.

Проносится предъ нашими взраи и другая картина... Стоитъ тихая морозная ночь, морозъ выше 45⁰ по Р; множество яркихъ блестящихъ звѣздъ смотритъ съ высоты небеснаго свода на обширную снѣжную сѣверную равнину; на синемъ небѣ видны еще красноватые отблески сѣвернаго сіянія; со стороны Якутска по направленію къ пустыннымъ берегамъ сѣвернаго Ледовитаго океана движется поѣздъ, состоящій изъ нѣсколькихъ нартъ; въ каждую изъ нихъ запряжено по нѣскольку оленей, на которыхъ сидятъ верховые якуты. Мы видимъ уже не того рясофорнаго юношу, который жилъ когда-то въ Вятскомъ Трифоновомъ монастырѣ и назывался Михаиломъ Косьмичемъ, не казанскаго студента—академика іеродіакона Мелетія, не забайкальскаго инока миссіонера; это совершаетъ обзоръ своей обширнѣйшей епархіи Преосвященный Якутскій Мелетій, пріобрѣвшій

извѣстность своею миссіонерскою дѣятельностью, которому оказываютъ вниманье Святѣйшій Синодъ и Оберъ-Прокуроръ.

Постоянные труды и заботы по миссіи отразились на лицѣ Преосвященнаго; только глаза его, свѣтящіеся юношескимъ блескомъ, и ласковая, кроткая улыбка на лицѣ напоминаютъ прежняго скромнаго, застѣнчиваго Михаила Косьмича Якимова; Преосвященному, созерцающему красоты сѣверной полярной ночи, вспоминается далекая родина, Вятская губернія, близкія когда-то и родныя лица, Казанская духовная академія, но скоро эти дорогія воспоминанія о миломъ и беззаботномъ дѣтствѣ и юности исчезаютъ, уступая мѣсто мыслямъ и думамъ о неотложныхъ миссіонерскихъ и епархіальныхъ дѣлахъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1887 года стояла въ Иркутскѣ прекрасная чудная осень, какая можетъ быть только въ Восточной Сибири. Прибывъ въ Иркутскъ въ началѣ іюня, мы съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія изъ Читы Викарія Иркутской епархіи, Преосвященнаго Мелетія, епископа Селенгинскаго, своего земляка, о которомъ слышали дорогою и на мѣстѣ уже много лестныхъ отзывовъ. Наконецъ, въ одинъ чудный сентябрскій вечеръ, когда солнце садилось уже за Байкальскія горы и бросало послѣдніе свои лучи на зеркальную поверхность быстрыхъ, прозрачныхъ Ангарскихъ водъ, послышался необычный звонъ съ колокольни Каѳедральнаго собора, возвѣстившій Иркутянамъ и прибытію Владыки Мелетія въ Иркутскъ, столицу восточной Сибири. Владыка, щедрый на всякія пожертвованія, не любилъ оставаться въ долгу и за всякую мелочную услугу, оказанную ему, всегда щедро вознаграждалъ, поэтому всѣ служащіе въ архіерейскомъ домѣ всегда съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда его, а въ особенности звонари Каѳедральн. собора. На другой день мы, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по Казанской академіи и по службѣ, С. А. С., родомъ изъ Забайкальской области, отправились въ архіерейскій домъ, въ запасныхъ покояхъ котораго всегда останавливался Преосв. Мелетій. Когда о насъ доложили Владыкѣ, то онъ тот-

часъ вышелъ намъ навстрѣчу радостный и довольный; благословивъ и поцѣловавъ, онъ усадилъ насъ въ кресла и сталъ спрашивать; узнавъ же, что родомъ мы изъ Вятской губерніи, онъ очень обрадовался встрѣчѣ съ землякомъ и сталъ спрашивать о Вятскомъ духовенствѣ, о своихъ родственникахъ и ихъ семействахъ, называя всѣхъ по имени и отчеству. Нельзя не удивляться той сердечной, теплой любви Преосвященнаго ко всѣмъ своимъ роднымъ, которую онъ всегда проявлялъ по отношенію къ нимъ, справляясь и заботясь о ихъ судьбѣ, помогая имъ своими совѣтами и средствами.

Видимо Преосвященный былъ тронутъ нашими разказами о родинѣ; облако грусти набѣжало на его лицо и онъ на нѣкоторое время замолчалъ, отдаваясь дорогимъ воспоминаніямъ о минувшемъ дорогомъ дѣтствѣ, которое никогда не повторится... Много удовольствія доставили Владыкѣ свѣдѣнія, сообщенныя нами о Казанской дух. академіи, профессорахъ ея и студентахъ; онъ припоминалъ прежнихъ своихъ профессоровъ и ихъ лекціи; при воспоминаніи о Казанской академической жизни лицо Преосвященнаго оживилось и просвѣтлѣло, онъ вновь переживалъ свои бывшіе академическіе годы...

Много Преосвященный говорилъ и о своей продолжительной миссіонерской дѣятельности въ Сибири, указывая на трудности и недостатки миссіонерскаго дѣла, высказывая при этомъ надежду, что со временемъ, при заботахъ и мѣропріятіяхъ Правительства, дѣла миссіи пойдутъ лучше... Среди оживленной и душевной бесѣды съ добрымъ Владыкою Мелетіемъ, мы не замѣчали, какъ шло время; мы готовы были еще долго слушать поучительную и назидательную рѣчь Преосвященнаго, но пріѣздъ для свиданія съ нимъ тогдашняго Иркутскаго генераль-губернатора, графа А. П. Игнатьева, заставилъ насъ принять прощальное благословеніе отъ Владыки, который взялъ съ насъ слово, при всякомъ удобномъ случаѣ, посѣщать его.

Радостные и довольные мы долго послѣ этого находились

подъ впечатлѣніемъ обаятельной во всѣхъ отношеніяхъ личности Преосвященнаго, который словомъ и дѣломъ походилъ на епископовъ первыхъ вѣковъ христіанства. Всякій разъ послѣ этого мы посѣщали Владыку, когда онъ пріѣзжалъ по дѣламъ службы изъ Читы въ Иркутскъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ, ко дню своихъ именинъ, Преосвященный всегда пріѣзжалъ въ Иркутскъ, чтобы провести этотъ день вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ и другомъ, Высокопр. Веніаминомъ, Архіепископомъ Иркутскимъ и Нерчинскимъ, къ которому, будучи многимъ ему обязанъ, онъ питалъ особенное расположеніе и любовь. Дѣйствительно, Высокопреосвященный Веніаминъ, по своимъ богатымъ умственнымъ дарованіямъ и прекраснымъ душевнымъ качествамъ, высоко стоялъ среди тогдашнихъ іерарховъ Россійской Церкви и вполнѣ заслуживалъ всеобщей къ себѣ любви и уваженія. Въ 1889 г. намъ представлялся удобный случай переселиться изъ Иркутска въ Забайкальскую область, именно въ г. Нерчинскъ, тогда мы имѣли бы возможность чаще видѣться и бесѣдовать съ Владыкою Мелетіемъ, но мы, по своему малодушію, побоялись слишкомъ далеко удалиться на Дальній Востокъ. Преосвященный отъ 25 мая 1889 г. писалъ намъ изъ Читы слѣдующее: 1) Въ Нерчинскомъ д. училищѣ (теперь нах. въ Читѣ) открылась вакансія помощника смотрителя съ кафедрою свящ. исторіи. Въ число кандидатовъ я намѣтилъ васъ. Если это вамъ по душѣ, пользуйтесь случаемъ переселиться въ нашу Даурію, именуемую сибирской италіей. Изъ послѣднихъ словъ этого письма видно, что Преосвященный очень любилъ свою вторую родину, онъ всегда восторгался чудною Забайкальской природою. Во время многочисленныхъ и частыхъ бесѣдъ съ Преосвящ. мы никогда не слышали отъ него какого-л. дурного, пренебрежительнаго отзыва о Сибири; напротивъ, онъ всегда съ любовью и восторгомъ говорилъ о нашихъ далекихъ сибирскихъ окраинахъ. Впослѣдствіи, когда мы уже уѣхали изъ Иркутска на родину, онъ послалъ намъ письмо, въ которомъ съ грустью и

сожалѣніемъ спрашивалъ, зачѣмъ мы покинули богатый и интересный во многихъ отношеніяхъ сибирскій край.

Дѣйствительно, находясь еще въ Иркутскѣ, мы очень часто отъ многихъ слышали, что тѣ лица, которыя ранѣе жили въ Сибири, а потомъ возвратились на родину, съ грустью и сожалѣніемъ вспоминали свои годы, проведенные въ той странѣ, которая имѣетъ много хорошихъ сторонъ въ сравненіи съ Европейскою Россіей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Религіозныя вѣрованія черемисъ.

IV.

(Продолженіе).

Дальнѣйшее измѣненіе народныхъ вѣрованій подѣ вліяніемъ ислама и христіанства. Время возникновенія и наибольшаго развитія магометанскаго вліянія. Арабскіе пропагандисты ислама среди черемисъ. Новыя представленія о богѣ и объ отношеніи къ нему людей. Представленія о богахъ, какъ царяхъ природы. Царственный образъ жизни боговъ; окружающая ихъ роскошь. Придворный штатъ главныхъ боговъ. Умноженіе числа боговъ заимствованными божествами. Обоготвореніе магометанскихъ святыхъ и праздничныхъ дней. Празднованіе пятницы. Магометанское представленіе объ адѣ. Шайтанъ. Развитіе дуализма въ религіи.

Дальнѣйше развитіе черемисской миѳологіи совершается подѣ замѣтнымъ вліяніемъ религіозныхъ возрѣній сосѣднихъ народовъ. Сначала исламъ, затѣмъ христіанство вносятъ новыя черты въ религіозное міросозерцаніе черемисъ и тѣмъ способствуютъ про-

исходящей въ немъ теперь путаницѣ. Прежде всего черемисы познакомились съ народами тюркскаго племени, стоявшими сравнительно съ ними на болѣе высокомъ уровнѣ религіознаго развитія. Съ IX-го вѣка, въ цвѣтущій періодъ торговыхъ сношеній народовъ, составлявшихъ болгарскій союзъ, съ народами багдадскаго халифата, становится особенно замѣтнымъ вліяніе ислама на черемисъ. Мухаммеданство распространяють въ это время въ Вулгарѣ и сосѣднихъ мѣстахъ такъ называемые „сподвижники Мухаммеда“ и ихъ послѣдователи. ¹⁾

До своего знакомства съ тюрками черемисинъ зналъ божества, завѣдующія тѣми или иными силами природы. Божества эти представляли изъ себя олицетвореніе природы и потому черемисинъ поклонялся, приносилъ жертвы и просилъ себѣ помощи собственно у природы. Этими умиловительными жертвами, которыми наивный язычникъ думалъ задобрить и расположить въ свою пользу грозныя разрушительныя силы природы и мольбами о помощи, обращаемыми къ нимъ, исчерпывались всѣ его отношенія къ божеству. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что такое представляетъ изъ себя знаніе бога, какъ назвать тѣ мольбы, съ которыми онъ обращался къ богамъ. Сосѣди понимали дѣло лучше его. Арабскіе мусульмане просвѣтили черемисина и научили его называть познаніе бога вѣрою. Тѣ же мусульмане рассказали ему, что у бога есть пророкъ и ангелы, между которыми занимаетъ мѣсто и смерть (Эсрель, араб. азраил). Самое представленіе о богѣ, подъ вліяніемъ знакомства съ тюрками, измѣнилось. Черемисы увидѣли впервые богатство и роскошь въ жизненной обстановкѣ болгаръ. Тѣ жизненныя удобства, о которыхъ они не смѣли и мечтать въ своей полукочевой, убогой и исполненной лишеній, жизни, плѣнили ихъ. Они стали представлять себѣ послѣ того жизнь боговъ на подобіе жизни богатыхъ земныхъ царей. Соответственно тому измѣнилось самое на-

¹⁾ Золотницкій. Невидимый міръ по шаманскимъ воззр. черемисъ. Казань, 1877 г.

звание боговъ. Ихъ стали называть царями и владыками (хан, онъ) природы. Каждый богъ получилъ, подобно царю, особыя палаты, обзавелся женой, дѣтьми, неисчислимымъ запасомъ хлѣба, одеждъ, лошадей, птицъ, рабовъ.¹⁾ Солнце и луна поселились въ золотыхъ и серебряныхъ палатахъ. Обстановка боговъ владыкъ, управляющихъ явлениями природы, сложилась въ воображеніи черемисъ по образцу обстановки тюркскихъ хановъ.—У большинства боговъ явились подчиненныя имъ божества, ихъ стража и охранители (санче, сиргагыги), помощники (пуйршо), докладчикъ (видн эзэ), сообщающій богу о людскихъ нуждахъ, истолкователь человѣческихъ просьбъ, толмачъ или переводчикъ и казначей (казначи), завѣдующій богатствами бога и надѣляющій просителей-людей тѣми жизненными благами, которыя находятся въ распоряженіи бога.

Всѣ эти должностныя лица, какъ и самыя названія ихъ, въ большинствѣ случаевъ, взяты были у тюрковъ. Они составили многочисленный классъ низшихъ божествъ. Такъ явились:

Ош-кечы кугу пуйршо, главный помощникъ бога „ош-кечы“, краснаго солнца.

Ош-кечы піам баржо, виднезыжо, пророкъ его и докладчикъ его.²⁾ У бога, владѣющаго землею, явились: мландо (ліулянде) кугу пуйршо, его помощникъ, создатель земли, мландо суксо, вѣстникъ, слуга, охранитель земли.³⁾

Цѣлые штаты божествъ появились около слѣдующихъ, напр., предметовъ и явленій природы: неба, луны, звѣздъ, грома, молніи, вѣтра, воды, огня и т. д.⁴⁾ Черемисы—язычники призывали себѣ на помощь этихъ боговъ и въ разныхъ случаяхъ

¹⁾ Вят. Еп. Вѣд. 1868 г., № 11, стр. 180.

²⁾ Яковлевъ. Религ. обр. черемисъ. Казань, 1887 г., стр. 7.

³⁾ Тамъ же, стр. 9.

⁴⁾ Семеновъ, свящ. Черемисы. Правосл. Благов. 1893 г. № 9, стр. 28.

приносили имъ обильныя и недешево стоящія жертвы—лошадей, коровъ, овецъ, гусей, утокъ. ¹⁾

Магометанское вліяніе сказалося также въ увеличеніи количества и главныхъ боговъ. Мы видѣли, что черемисинъ дикарь отыскивалъ инстинктивно оцупью божественное начало въ природѣ, которое могло бы быть истиннымъ предметомъ его почитанія. Въ своемъ стремленіи къ Богу, онъ останавливался на различныхъ явленіяхъ природы, поражающихъ его своимъ величіемъ, благотворной и грозной разрушительной силой, ошибочно почитая ихъ за отыскиваемое имъ божество. Но ежедневный опытъ научалъ его, что есть въ природѣ еще много другихъ вещей, которыя его волѣ не покарятся, его желаніямъ не уступаютъ, но напротивъ господствуютъ надъ нимъ. Представленіе о божественномъ вслѣдствіе этого расширялось, а самое количество боговъ постоянно и безконечно увеличивалось, такъ—какъ черемисинъ готовъ былъ поклоняться всякому предмету, отъ котораго могъ ждать выгоды.

Поверхностное знакомство сначала съ магометанскимъ, затѣмъ съ христіанскимъ вѣроученіями повело къ тому, что черемисинъ, не оставляя старыхъ боговъ, приобрѣлъ себѣ много новыхъ, обоготворивъ заимствованные имъ изъ новыхъ религій священныя названія лицъ, предметы и даже праздничные дни.

Большая часть названій, которыя прилагаются къ божествамъ, по своему происхожденію, чужды черемисамъ. Слова: овошкадѣдъ, іа, озя-хозяинъ, хан, он-владыка, суксо или шукче, тылмазе, казначи, несомнѣнно тюркскаго происхожденія. Таково же и происхожденіе слова пуйршо или пурюкшо.

Турецко-татарское слово хан, представляющее изъ себя сокращенное названіе титула монгольскихъ князей, хаановъ или каановъ (перс. хакан), которое измѣнилось у луговыхъ черемисъ

¹⁾ Тамъ же.

въ названіе он, черезъ отбрасываніе начальной гортанной буквы и замѣны гласнаго звука „а“—звукомъ „о“. ¹⁾

Обоготворяемое ими небо черемисы стали называть заимствованнымъ у тюрковъ словомъ. Тюрки, подобно черемисамъ, обожали небо подъ именемъ Дунья ²⁾ у Казанскихъ татаръ здѣшній свѣтъ называется Дунья ³⁾, а по арабски „здѣшній міръ“ Дунья. ⁴⁾

Черемисы называютъ теперь божество небо туня юмо (на луговомъ нарѣчїи) или, по сокращенію, тня-кого-юма (горное нарѣчіе). ⁵⁾

Въ сочетанїи съ словомъ свѣтъ (сот) это названіе даетъ новое божество: сотня-кого-юма (сокращ. Сотуня кого-юма), которое черемисы считаютъ за особое божеское существо и, смѣшивая финско-тюркское названіе съ русскимъ, принимаютъ за начальника надъ сотнею боговъ. ⁶⁾

Магометанское ученіе о девяносто девяти прекрасныхъ именахъ божьихъ нашло себѣ своеобразное примѣненіе въ религіозномъ міросозерцанїи черемисъ. У магометанъ эти имена божїи—ни что иное, какъ эпитеты, приписываемые Богу въ коранѣ, точно такъ же, какъ и 99 именъ, приписываемыхъ пророку Магомету. ⁷⁾ У черемисъ же каждый заимствованный эпитетъ, обозначающій

¹⁾ Золотницкій. Невидимый міръ по шаманск. возвр. черемисъ. Казань, 1877, стр. 20.

²⁾ Смирновъ. Черемисы. Стр. 148.

³⁾ Практич. руководство къ изученію татарскаго языка Махмудова 1857 г. Золотницкій. Невидимый міръ по шаман. возвр. черемисъ. Казань, 1877, стр. 9.

⁴⁾ Золотницкій. Невид. міръ по шаман. возвр. черемисъ. Казань 1877, стр. 9.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 8; свящ. Яковлевъ, Религіозные обряды черемисъ. Казань 1887, стр. 6.

⁶⁾ Вѣстн. Европы, 1868 г., IV, 43.

⁷⁾ Мисс. противомусульм. сборникъ, вып. II, стр. 19, 20, 105. Сличеніе мохамедан. ученія объ именахъ Божїихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ. Г. С. Саблукова, Казань, 1873 г. стр. 4—9.

какое-либо свойство Божіе, превратился въ отдѣльное самостоятельное божество. Такъ появились:

Тэмам-хан-кого-юма отъ арабско-татарскаго слова тэмам, тэмэм— „полный, совершенный“, клем-хан-кого-юма, арабское слово куллан, кулэн, вполнѣ, совершенно, что въ соединеніи съ словомъ хан обозначаетъ полный владыка. ¹⁾ У вятскихъ черемись куллу-юма—сильный богъ, одинъ изъ первыхъ и главныхъ боговъ, дающій непрерывныя неисчислимыя богатства. ²⁾ Также появился алак-юма, богъ справедливости, защищающій отъ суда и напрасной клеветы, названіе котораго Золотницкій производитъ отъ татарскаго (и чувашскаго) слова алак клевета ³⁾ (хотя, можетъ быть, названіе это происходитъ отъ арабскаго слова халэк или халик—творецъ, у котораго начальная гортанная буква исчезла такъ же, какъ и въ словахъ „хан“, перешедшаго въ „он“, арабскаго хадджят, нужда, произносимаго крещеными татарами „адджят“. И т. п.

Также своеобразно было воспринято религіозное ученіе магометанъ объ ихъ пророкѣ, положившее начало цѣлому ряду піамбаровъ (пророковъ), состоящихъ при отдѣльныхъ черемисскихъ богахъ. Самое названіе пігамбар персидскаго происхожденія (персид. пейгамбар—пророкъ). Пігамбар или, по луговому нарѣчію, піамбаръ, находящійся въ распоряженіи главнаго бога, совершаетъ постоянные разъѣзды по землѣ, собираетъ и доставляетъ ему нужныя свѣдѣнія о людяхъ. Кромѣ того, онъ считается покровителемъ человѣка и домашней скотины отъ хищныхъ звѣрей, надъ которыми онъ имѣетъ такую власть, что даже волки, наиболѣе опасные и прожорливые изъ дикихъ звѣрей, называются просто пігамбаровыми собаками. ⁴⁾

¹⁾ Золотницкій. Невидимый міръ по шаманс. воззрѣніямъ черемись. Казань, 1877 г.

²⁾ Вятск. Епарх. Вѣд. 1869 г. № 8, стр. 180.

³⁾ Золотницкій, Невид. міръ по шаман. воззр. черемись. Казань, 1877, стр. 21.

⁴⁾ Золотницкій, Корневой чувашско-русск. словарь. Казань, 1875, 202-203 стр.

Чисто тюрскимъ божествомъ у черемисьъ является божество судьбы, имя котораго у черемисьъ произносится различно: у луговыхъ—каба или кава, у горныхъ каба или кава. ¹⁾ Это же божество находимъ у чувашъ подъ именемъ кебе, у якутъ каб, у тѣхъ и у другихъ въ значеніи судьба, рокъ, участь, жребій. ²⁾ Казанскіе ученые, надъ которыми смѣется Фуксъ ³⁾ называли его богомъ Магомета, очевидно смѣшивая его съ названіемъ меккскаго храма каабы. Черемисскіе жрецы объясняли г. Фуксъ, что кабы—ангелъ, предъ юмой стоящій, или первый святой у юмы. По словамъ священника Яковлева, горные Козмодемьянскіе и луговые царевokokшайскіе черемисы сами не понимаютъ, что значить слово каба, или по горному—кява. По смыслу молитвъ, обращаемыхъ къ этому божеству, видно всетаки, что черемисы считаютъ его виновникомъ самаго зачатія челоуѣка и предопредѣлителемъ его будущей судьбы. ⁴⁾ Каба, по представленію черемисьъ улучшаетъ или ухудшаетъ жребій людей. Впрочемъ, это мнѣніе не общее. Вятскіе черемисы думаютъ, что кава бережетъ также нивы. Черемисскіе кугузи, какъ рассказываетъ Кузнецовъ, долго спорили при немъ относительно опредѣленія значенія и пола этого божества, и ему пришлось выслушать три мнѣнія: кава—это а) мать піамбара, б) его жена, с) главный святой. По словамъ одного изъ кугузей, Ишпая, отецъ его слыхаль, будто старики говорили, что прежде кава находился на небѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ солнце средь лѣта бываетъ въ полдень, потому что большой святой кава ⁵⁾

¹⁾ Золотницкій. Невид. міръ по шаман. возвр. черемись; Казань, 1877, стр. 19.

²⁾ Его же. Корневой чуваш-рус. словарь. Казань, 1875 стр., 202.

³⁾ Фуксъ. Записки о чувашахъ и черемисахъ. Каз. губ. Казань. 1840 г.. стр. 240-241.

⁴⁾ Яковлевъ, свящ. Религіозные обряды черемись. Казань, 1887, стр. 7.

⁵⁾ Кузнецовъ. 4 дня у черемись во время сюрэма, Спб. 1879, стр. 51.

Священникъ Яковлевъ приводитъ мнѣніе одного финляндскаго ученаго, что „каве“ одна изъ старшихъ языческихъ богинь финскихъ, она ситається богинею, или духомъ природы; въ старину финны молились ей объ излеченіи отъ разныхъ болѣзней, а женщины наипаче во время родовъ. Самъ же Яковлевъ изъ перевода свящ. книгъ усматриваетъ, что у черемисъ Уфимской губерніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небо называется каба; отсюда онъ полагаетъ, что въ старину каба-кугу юмо означало: великій богъ неба и создатель. Каба, по его мнѣнію, слово арабское, гава-воздухъ, вошло въ черемисскій языкъ отъ татаръ въ значеніи неба. ¹⁾ Наконецъ, можно думать, что древнее финское, чисто народное названіе, совпало съ тюркскимъ и стало обозначать собою новое, заимствованное отъ тюрковъ понятіе.

Магометанское ученіе о единствѣ Божіемъ не прошло безслѣдно для выработки религіознаго міросозерцанія черемисъ. Изъ сравненія боговъ между собой по степени относительной ихъ важности для человѣка смутно возникаетъ идея главнаго и второстепенныхъ боговъ. Кромѣ того, является цѣлый классъ низшихъ служебныхъ духовъ, составляющихъ цѣлые штаты при высшихъ богахъ.

Почитаніе изолированныхъ предметовъ природы, хотя бы число ихъ было неисчетное, не можетъ удовлетворить человѣка. Человѣкъ готовъ всякій разъ предполагать, что въ этихъ разрозненныхъ предметахъ и явленіяхъ дѣйствуетъ одна и та же сила, что они всѣ исполнены одной и той же божественной природой. Такое безъ сомнѣнія представленіе заставило язычниковъ — черемисъ обозначить солнце, землю, громъ, молнію и другіе предметы и явленія природы однимъ и тѣмъ же именемъ, которое первоначально принадлежало небу и небесному. Такъ какъ небо было выше въ глазахъ черемисина обоготворяемой имъ земли, то и названіе его стало постепенно приобрѣтать общій характеръ

¹⁾ Яковлевъ, свящ. Религіозные обряды черемисъ. Казань, 1887, стр. 7.

и обозначать божество вообще. Такимъ образомъ, черемисское названіе „юма“ (небо), принадлежавшее сначала небу или богу неба, постепенно приняло отвлеченное значеніе. А для обозначенія видимаго неба явилось новое слово, заимствованное у тюрковъ.

Предметомъ религіознаго почитанія для черемисъ, подъ вліяніемъ ислама, стали священные для магометанъ числа и дни. Такъ стало священнымъ, на примѣръ, упоминавшееся выше, число 99 и число девять. Последнее считалось священнымъ у монголовъ. Предметы или подарки, представляемые хану, всегда состояли изъ девяти штукъ и девяти предметовъ одного рода, которые могли быть взяты одинъ разъ или три раза. Обычай этотъ перешелъ къ тюркскимъ племенамъ, къ татарамъ и киргизамъ.

Число девять приобрѣло знаменательное священное значеніе и у черемисъ въ исполненіи ихъ древнихъ языческихъ моленій и жертвоприношеній. Недѣльный праздникъ пятницы также перешелъ къ черемисамъ и на ряду съ божествами собственно языческихъ праздниковъ явилось божество пятницы—кугарня кугу-юмо. ¹⁾

Подъ тюркскимъ вліяніемъ окончательно сложилось представленіе черемисъ о злой враждебной челоуѣку силѣ. Одну изъ нихъ, вносящую разрушеніе въ самую жизнь челоуѣка, онъ назвалъ заимствованнымъ именемъ азрен, азри (чуваш. Эсрель, араб. азраил), ангель смерти. ²⁾ У луговыхъ черемисъ словомъ „азрен“ называется духъ, посылающій моръ на скотину. ³⁾

Слово кереметь, которымъ черемисинъ обозначаетъ и доселѣ злое начало въ природѣ, причиняющее ему различнаго рода несчастія и болѣзни, по мнѣнію изслѣдователей, также заимствовано изъ арабскаго языка, гдѣ словомъ хурмэтъ обозначается все неприкосновенное, священное, а словомъ кераметъ—чудо, дѣлаемое

¹⁾ Яковлевъ, свящ. Рел. обряды черем. Казань, 1887, стр. 8.

²⁾ Золотницкій. Невид. міръ по шаман. возвр. черем. Казань, 1878.

³⁾ Изв. по Казан. Епарх. 1877 г., № 9.

святыми. ¹⁾ Духъ зла у черемисъ называется еще общимъ именемъ шайтан (араб. шейтан). ²⁾

Соединяемая съ этими названіями представленія о человѣкообразныхъ существахъ носятъ также на себѣ слѣды тюркскаго вліянія. Слѣдующая легенда ясно подтверждаетъ это. Сообщилъ эту легенду Кузнецову одинъ изъ его знакомыхъ кугузей-черемисинъ Григорій. „Сперва кереметя у насъ не было, рассказывалъ онъ, а попалъ онъ къ намъ, собака, отъ татаръ. Онъ у нихъ долго жилъ какъ настоящій человѣкъ, носилъ татарскую одежду и худого сперва ничего не дѣлалъ. Потомъ вдругъ что-нибудь да испортить, какъ-нибудь да нагадить: то человѣка ломаетъ, то скотину. Узнали это татары, озлились на него и собрались убить. Кереметь бѣжать, а татары за нимъ. Только кереметь былъ прытокъ и не могутъ они его настичь. Однако усталъ кереметь бѣжать. Остановился онъ, оглянулся по сторонамъ и видитъ, что татары близко. Куда дѣваться? Видитъ—черемисинъ недалеко заборъ городить и выкопалъ глубокую такую яму для столба. „Спрячь, говоритъ, меня пожалуйста въ эту яму. Я тебѣ за эту отплатю, а за мной вонъ татары гонятся, убить хотятъ“. Кто его, проклятаго, зналъ, что онъ кереметь? Убить бы его тутъ, и все... Ну, а черемисинъ не зналъ, да и спряталъ его въ яму, а сверху соломой да вѣтками прикрылъ. Прибѣжали татары съ рычагами съ топорами—цѣлая толпа. „Не видалъ ли вотъ тутъ человѣкъ бѣжалъ: одѣтъ по нашему, рыжий весь? Давно гонимся за нимъ, а тутъ вотъ и пропалъ изъ виду“...—Нѣтъ, не видалъ, не пробѣгалъ здѣсь.—Ушли татары ужъ совсѣмъ далеко, а кереметь все сидитъ въ ямѣ, выдти не смѣетъ. Ужъ вечеромъ вытащилъ его черемисинъ и увелъ домой. Кереметь выпросилъ у него поѣсть, а послѣ: „дай, говоритъ,

¹⁾ Золотницкій. Невид. міръ по шаман. воззрѣніямъ черемисъ. Базань, 1877 г., стр. 24.

²⁾ Тамъ же, стр. 25.

мнѣ черемисскую одежду, а то въ этой татары меня узнають и убьютъ“. Далъ ему черемисинъ шобуръ, рукавицы, лапти, опояску—все свое далъ. Ночеваль кереметь тутъ. Утромъ просить опять ѣсть. „Ты говоритъ, накорми меня еще разъ да я ужъ и пойду дальше“. Далъ ему черемисинъ гороху варенаго, киселя, каши, пива велѣлъ принести. Поѣлъ кереметь, сталъ прощаться. „Ну, говоритъ, спасибо, что угостилъ!“ А у самого злое такое лице-то стало, глаза такъ и свѣтятся. Одѣлъ ты меня, сохранилъ... А знаешь ли, кто я? Я—кереметь. Теперь ужъ я вашъ буду, не татарскій. Коли что плохо будетъ у васъ: скоть нездоровъ, человекъ—это мое дѣло. Мнѣ и молитесь тогда... Тутъ и съ глазъ пропалъ. Вотъ съ тѣхъ поръ онъ и корчитъ насъ. А поймать его никакъ нельзя: рѣдко видятъ, да и то больше невзначай—въ лѣсу, въ полѣ. Опять какъ узнать, коли въ нашей одеждѣ ходить? Своя вина... А только попадись онъ намъ, собака,—убьемъ!“¹⁾

Въ связи съ магометанскимъ вліяніемъ получилъ особое развитіе религіозный дуализмъ. Отъ тюрковъ черемисы усвоили понятіе добра и зла. Понятіе о грѣхѣ и вѣра въ будущее воскресеніе и возмездіе за порочную жизнь, подъ вліяніемъ ислама, получили своеобразную окраску. Загробную жизнь, согласно съ народными повѣрьями, черемисы представляютъ въ видѣ продолженія земной со всѣми ея радостями и печалями. Всѣ заботы черемисина о своей будущей участи отсюда всегда сводились къ тому, какъ бы лучше устроиться въ загробномъ мірѣ, задарить и склонить въ свою пользу загробныхъ начальниковъ, отъ которыхъ зависитъ улучшеніе или ухудшеніе посмертной участи человека. Къ этому-то народному вѣрованію присоединено было чисто внѣшнимъ образомъ магометанское ученіе объ адѣ. Ученіе объ адѣ у черемисъ представляется въ настоящее время въ слѣ-

¹⁾ Кузнецовъ. Четыре дня у черемисъ во время сюрэма. С.—ПБ., 1879, стр. 48.

дующемъ видѣ. Адъ, тамык, (татар. тамуг, чуваш. тамык) означаетъ собственно бездну, темное мрачное мѣсто. Судья будущаго вѣка, (кіамат торя, араб-татар. кыямет или кіамат—будущее воскресеніе) является распорядителемъ въ этомъ мѣстѣ. По вѣрованію черемисъ, этотъ судья заставляеть умершихъ пройти по тонкой жердочкѣ (по канату); не сдѣлавшій въ земной жизни зла пройдетъ свободно, а злодѣй упадетъ въ котель съ кипящей смолой. ¹⁾ Вѣрованіе это, несомнѣнно магометанское. По—арабски сырат—дорога, моххам сырат-купре, мостъ надъ адомъ, тонкій какъ волосъ, острый какъ сабля; черезъ него праведники пройдутъ въ рай съ быстротою молніи и вѣтра, а грѣшники поскользнутся и низвергнутся въ огонь вѣчный. ²⁾

Среди боговъ, такъ же, какъ и среди людей, черемисы различали добрыхъ и злыхъ. Но различіе это въ черемисской религіи намѣчено слабо. Отношенія между добрыми и злыми божествами крайне неопредѣленно. Всѣ добрыя божества добры изъ корысти, изъ-за жертвъ, добры до тѣхъ поръ, пока ихъ ублажаютъ; въ гнѣвѣ же они становятся такъ же злы и вредны, какъ и керемети. Въ свою очередь и кереметь, если его ублаготворяють жертвами, будетъ добръ для человѣка и, если не сдѣлаеть добра, то, по крайней мѣрѣ, не причинитъ и вреда.

Съ черемисской, утилитарной точки зрѣнія, добро и зло относительноны, лежатъ, такъ сказать, не въ самой природѣ божествъ, а вытекають изъ тѣхъ или иныхъ отношеній божества къ человѣку. Эпитеты злой, добрый даже не употребляются въ миѳологіи, а существуетъ въ ней только раздѣленіе на верхнихъ—горныхъ и нижнихъ—дольныхъ божествъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Вѣстн. Европы 1867 г., т. IV, стр. 70; циркуляръ по Казан. учебн. округу. 1866, № 17.

²⁾ Золотницкій. Корневой чуваш-русс. словарь. Казань, 1875, стр. 75.

Преддверіе Зюздинскаго края.

Село Верхокамье (Екатерининское), Глаз. у.

Въ сѣверной части Глазовскаго уѣзда, вдоль восточной границы Вятской епархіи съ Пермской, на правомъ берегу рѣки Камы, разбросанъ Верхокамскій приходъ на площади около 200 кв. версть, имѣя въ двѣ линіи, съ сѣвера на югъ, болѣе 150 починковъ. Кругомъ лѣсъ. Вслѣдствіе трехъ пожаровъ, въ разное время уничтожавшихъ три храма и архивъ, по документамъ мѣстнаго церковнаго архива нельзя опредѣлить времени открытія этого прихода, но, по преданію, онъ очень старинный, прежде назывался Екатерининскимъ и изъ него образовались приходы: Аѳанасьевскій, Гординскій и Карсовайскій.

Верхокамье можно называть преддверіемъ Зюздинскаго края, хотя нѣкоторые прямо относятъ его къ Зюздину. Живописное мѣстоположеніе села Верхокамья, а также два городища—одно въ 5 верстахъ сѣвернѣе села на высокомъ берегу рѣки Камы, другое въ 15 вер. на сѣверо-востокъ въ глухомъ лѣсу—невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе; близость Строгановскихъ дачъ даетъ основаніе предполагать, что городища остались отъ Ермака Тимоѣевича; старожилы передаютъ легенду о существованіи во второмъ городищѣ клада громадной цѣнности.

Народонаселеніе прихода, въ числѣ 5000 душъ обоего пола, совершенно обрусѣвшіе пермяки; всѣ говорятъ по-русски съ пермятскимъ акцентомъ, примѣшивая славянскія слова: „хресь“ (крестъ), „опочиваться“, „лѣзь“ въ избу и мѣстныя: „сегоды“, „чоподи“, „распороль“ избу, „дочка“ (свинья), „казакъ“ (вепрь), „разсыпалась“ шуба, „таванать“ (всякое дѣйствіе, напр. хоронять), „горшка обваривать“ (крестить младенца), „лица“ (щеки). По мѣстному говору, у человѣка два лица (двѣ щеки).

Хотя культура еще не коснулась этого медвѣжьего угла, но народъ живетъ сравнительно зажиточно, благодаря многозе-

мельности, нетребовательности въ домашнемъ обиходѣ и скопидомству.

Все населеніе—земледѣльцы; обрабатываютъ землю первобытнымъ способомъ: истощилась земля въ одномъ мѣстѣ, оставляютъ ее и распахиваютъ слѣдующую, отдохнувшую. Залогомъ благосостоянія служитъ любовь къ пашнѣ: большее количество пашни—гордость каждаго. Землю пахутъ непременно трижды, но замѣчательно пахутъ усердно, а убираютъ хлѣбъ лѣнливо, затягивая уборку до поздней осени; много сѣютъ овса, ячменя, а ржи мало; снопы и навозъ возятъ лѣтомъ на саняхъ; деньги наживаютъ одни въ сосѣднихъ заводахъ, другіе выработкой лѣса и охотой.

Пища разнообразна и питательна: у зажиточныхъ вдоволь молока, мяса, вяленой рыбы и рябчиковъ. Гостепріимство настолько развито, что отказаться отъ угощенія—значитъ оскорбить хозяина, ни одинъ прохожій не уйдетъ безъ угощенія брагой. Употребляютъ напитки спиртуозные: брагу и кумышку. Пьютъ всѣ. Встрѣтить пьяную женщину—не диковинка; спеленанныхъ дѣтей въ рожокъ кормятъ брагой, какъ молокомъ, такъ какъ брага сытна и скоро усыпляетъ. Дѣти воспитываются замѣчательно свободно. Дѣвицы выходятъ замужъ по своему выбору, а послѣ брака нерѣдко убѣгаютъ къ родителямъ или къ раскольникамъ, всегда участливымъ къ сбѣжавшимъ молодушкамъ. Характерная черта—семейное главенство женщины. Поразительна лѣнь и неопрятность: полъ моютъ два-три раза въ годъ, а метутъ однажды въ недѣлю; въ морозное время въ избахъ кормятъ овецъ, телятъ, коровъ, иногда оставляютъ и на ночь. Скота держатъ помногу. Беспорядочность построекъ и невообразимая грязь въ узкихъ улицахъ бросаются въ глаза.

Находясь въ центрѣ раскола, населеніе Верхокамья тѣмъ не менѣе чисто православное. Уровень религіозно-нравственнаго и умственнаго развитія низокъ, что видно изъ многочисленныхъ суевѣрій: въ день рожденія младенца, въ день основанія дома, отправленія въ путь, начала и окончанія посѣва, молоченія до

разсвѣта утромъ и при огнѣ вечеромъ, никогда никому ничего не даютъ; въ Пасхальное и Рождественское славенье при огнѣ ни утромъ, ни вечеромъ не пускаютъ въ дома; при погребеніяхъ, кромѣ могильщиковъ, никого изъ родственниковъ не бываетъ; покойниковъ возятъ и лѣтомъ на саняхъ, оставляя сани, иногда дугу и возжи, на могилѣ; въ гробъ кладутъ челпанъ (коравай), иголку и монету; предъ вѣнчаніемъ кладутъ въ пазуху невѣсты шерсть и хлѣбъ; въ первый годъ молодые не ходятъ на исповѣдь; женщины родильницы до 40 дней входятъ въ храмъ, лично присутствуя при крещеніи младенцевъ; старики, бывавшіе на исповѣди однажды въ жизни, во второй разъ, случалось, не признавали за собой ни одного грѣха. Оказываясь въ дѣлахъ вѣры младенцами, нерѣдко за исповѣдью поднимаютъ споръ со священникомъ: одна старуха, на примѣръ, за неподходящій, по ея мнѣнію, вопросъ сердито отвѣтила священнику: „что ты мелешь“, или другая „да будетъ тебѣ надо мной скакать-то“ *).

Храмъ въ селѣ въ честь Владимірской иконы Божіей Матери деревянный и въ разныхъ концахъ прихода три деревянные часовни, — все бѣдно. Причтъ одинъ. Три школы: въ селѣ церковно-приходская, въ приходѣ—земская и школа грамоты. Общее число учащихся до 1900 года не превышало 40, но въ послѣднее время возросло до 100 человекъ. Такое равнодушіе къ школѣ самъ народъ объясняетъ тѣмъ, что пахарю не нужна грамота и что они не видятъ немедленной пользы по окончаніи школы.

Некрасна жизнь мѣстнаго клира: сильно гнететъ дальность разстоянія—до волостного правленія 12 вер., а до отца благочиннаго 108 верстъ; причтъ и три сторожа—вотъ все общество; верховая ѣзда и борьба съ другими тяжелыми мѣстными условіями не даютъ обжиться здѣсь никому, каждый стремится поскорѣе

*) Со словъ о.о. І. Саламатова и В. Домрачева.

выѣхать. Матеріальное обезпеченіе, при простотѣ жизни и неизбѣжномъ личномъ черномъ трудѣ, удовлетворительное. Во многомъ этотъ забытый уголокъ напоминаетъ быть стараго времени.

Діаконъ *Н. Лѣсниковъ.*

Народныя чтенія въ селѣ Сунѣ Нолинскаго уѣзда.

Въ селѣ Сунѣ не одинъ уже годъ ведутся народныя чтенія съ туманными картинами. Какъ это дѣло было поставлено до насъ—объ этомъ, за отсутствіемъ какихъ-либо свѣдѣній, мы ничего сказать не можемъ. Мы будемъ говорить о тѣхъ чтеніяхъ, которыя были устроены въ періодъ времени съ 28-го ноября 1904 года и по 24-ое іюля 1905 года, подъ нашимъ непосредственнымъ руководствомъ и при личномъ участіи. Всѣхъ чтеній за это время было дано одиннадцать. Велись они не въ послѣдовательномъ, какъ бы, можетъ быть, слѣдовало, порядкѣ и не по предварительному росписанію, а смотря по обстоятельствамъ и согласно являвшимся желаніямъ. Фонарь и картины для нихъ были взяты черезъ г. земскаго начальника изъ Нолинскаго уѣзднаго комитета попечительства о народной трезвости. Чтенія устраивались: въ самомъ селѣ, въ деревнѣ Телицынской и Жабріевской. Въ селѣ одно чтеніе имѣло мѣсто въ зданіи волостного правленія. Просторный залъ правленія былъ бы хорошей аудиторіей, если бы при немъ находилась сосѣдняя комната, удобная для помѣщенія фонаря и участвующаго при чтеніяхъ хора, но, къ сожалѣнію, такой комнаты тамъ нѣтъ, а потому фонарь, хоръ, лекторъ и слушатели должны помѣщаться въ одной комнатѣ, что оказалось крайне неудобнымъ, особенно при большомъ стеченіи народа. Въ виду этого, слѣдующія чтенія въ селѣ намъ пришлось перенести въ зданіе церковно-приходской школы, гдѣ въ отно-

шеніи помѣщенія фонаря и хора чтенія вести мы сочли гораздо болѣе удобнымъ, несмотря на довольно значительный проигрышъ въ величинѣ и высотѣ комнаты для слушателей. Въ школѣ были три чтенія. А такъ какъ аудиторія въ ней съ трудомъ вмѣщала слушателей, что обнаружилось на первомъ же чтеніи, то явилась необходимость не допускать на общія для всѣхъ чтенія обычно въ толпѣ взрослыхъ предающихся шалостямъ учащихъ дѣтей и повторять для послѣднихъ чтеніе особо. Эти повторительныя чтенія увеличили число чтеній въ школѣ вдвое и принесли, замѣтно, благіе результаты. Слушатели ихъ, исключительно дѣти-школьники, нѣкъмъ уже нестѣсняемые, находясь подъ надзоромъ всегда присутствовавшихъ съ ними тогда наставницъ, относились къ чтеніямъ съ большимъ вниманіемъ и усваивали прочитанное весьма отчетливо, какъ показали произведенныя нами съ этою цѣлью испытанія. Такимъ образомъ, отъ повторныхъ для учениковъ чтеній получилась польза двоякая: они дали возможность въ многолюдномъ селѣ устраивать чтенія въ небольшомъ помѣщеніи и дѣтямъ-школьникамъ съ желательнымъ успѣхомъ присутствовать на нихъ. Лекторомъ на повторныхъ чтеніяхъ всегда была учительница церковно-приходской школы Нина Ложкина.

Семь чтеній съ повторными, бывшія въ селѣ, имѣли всего слушателей приблизительно 1100 человекъ. Было прочитано: „Начало христіанства на Руси“ (12 картинъ); „Жизнь святителя Николая Чудотворца“ (12 кар.); „Японцы и ихъ страна“ (29 кар.); „Кирилль и Меѳодій, просвѣтителі славянъ“ (9 кар.) и „Уничженіе на землѣ Господа нашего Іисуса Христа“ (12 кар.). Всѣ чтенія сопровождались общимъ пѣніемъ, а на трехъ изъ нихъ участвовалъ церковный хоръ, который исполнилъ подъ управленіемъ о. діакона Зорина: концертъ Бортнянскаго — „Восхваляю имя Бога моего“; гимны: „Народный“, „Князю Владиміру“ и „Братьямъ — славянамъ“ (оба); „Пріидите вѣрніи“ (стихира Кресту); „Въ память вѣчную“; „Коль славень“; „Многи лѣта, многи лѣта“ и „Слався, слався“.

Въ деревнѣ Телицынской чтенія велись въ прекрасномъ зданіи земскаго училища, по внутреннему устройству своему весьма удобномъ для веденія чтеній съ фонаремъ. Здѣсь чтеній было два и число слушателей на нихъ съ учениками (50 человекъ) равнялось 220 лицамъ. На первомъ чтеніи народъ слушалъ „Жизнь святителя Николая Чудотворца“ (12 картинъ), а на второмъ ему читалось о „Святителѣ Θεодосіи Углицкомъ“ (9 кар.) и о „Святомъ Стефанѣ Пермскомъ“ (5 кар.). О послѣднемъ читала учительница Телицынскаго земскаго училища Татьяна Кочергина. Чтеніе каждый разъ предварялось, сопровождалось и оканчивалось общимъ пѣніемъ и велось днемъ. Чтобы вызвать достаточную темноту въ классахъ, окна приходилось затягивать войлоками, взятыми у пансіонеровъ училища.

Обратившая на себя наше вниманіе своимъ продолговатымъ устройствомъ и величиной изба крестьянина дер. Жабріевской Павла Михайлова Олюнина вызвала въ насъ желаніе устраивать въ этой многолюдной деревнѣ (40 домовъ) народныя чтенія, первое изъ которыхъ и дано было 19 декабря. Народу собралось 120 человекъ. Послѣ общаго пѣнія молитвы—„Царю Небесный“ приступили къ чтенію: „Японцы и ихъ страна“ (29 кар.). По окончаніи послѣдняго, народъ пѣлъ: „Достойно есть“ и „Спаси, Господи“. Весьма довольные устроеннымъ чтеніемъ, жабріевцы просили читать у нихъ и на будущее время и при этомъ охотно изъявили свое согласіе на наше предложеніе пріобрѣсти собственный экранъ, такъ какъ доставка сельскаго довольно затрудительна. Однако, изготовленіе экрана почему-то затянулось на долгое время. Весной пришлось снова напомнить жабріевцамъ объ этомъ и въ то же время высказать: если они позаботятся поскорѣе устройствомъ экрана, то лѣтомъ чтенія можно будетъ вести на крытомъ гумнѣ. Къ лѣту экранъ былъ готовъ и въ деревнѣ Жабріевской 24 іюля въ первый разъ нами произведенъ опытъ чтенія на гумнѣ. Гумно представляетъ изъ себя сарай длиною 12 сажень и шириною 3 сажени, крытый соломой и при

томъ настолько плотно, что при дневномъ солнечномъ свѣтѣ картины на полотнѣ выходили весьма отчетливо и ясно. Въ такой прекрасной аудиторіи бывшіе на чтеніи 120 человекъ казались десяткомъ. Постоянная свѣжесть воздуха давала возможность огню въ фонарѣ горѣть ярко, а присутствующимъ провести два часа незамѣтно. Довольно стройное общее пѣніе молитвъ, которымъ сопровождалось чтеніе, разносилось далеко кругомъ. Всѣхъ картинъ было показано 15. Онѣ относились: „къ началу христіанства на Руси“ (7 кар.); житію „Святителя Николая Чудотворца“ (4 кар.) и къ житію „Святителя Григорія Богослова“ (4 кар.). При появленіи картины на экранѣ велся рассказъ изображеннаго событія или о лицѣ, такъ какъ брошюръ при картинахъ не оказалось и читать было не по чему. Устная бесѣда дѣйствовала на слушателей несравненно лучше, чѣмъ чтеніе, и была гораздо понятнѣе для нихъ. Бывшій тутъ одинъ житель захолустной деревни и не видавшій прежде ничего подобнаго сразу вспомнилъ когда-то данный нами совѣтъ—устроить въ ихней деревнѣ экранъ и тогда же далъ слово сдѣлать это немедленно на свой счетъ, вполне увѣренный, что сосѣди возвратятъ ему израсходованное, узнавъ впоследствии, какую пользу и удовольствіе приносятъ чтенія въ часы отдыха народу. Обѣщанный экранъ почти теперь уже готовъ и жители захолустья скоро увидятъ величественныя картины на полотнѣ.

Чтенія, какъ нами замѣчено, всегда производили глубокое впечатлѣніе на народъ, который весьма охотно посѣщалъ ихъ и послѣ cadaго чтенія отъ души благодарилъ за доставленное удовольствіе. По окончаніи чтенія на гумнѣ одинъ изъ слушателей даже заявилъ, что онъ не хочетъ даромъ пользоваться такимъ наслажденіемъ и очень сожалѣетъ объ отсутствіи на чтеніи церковной кружки, куда бы онъ могъ опустить свою жертву. Когда ему было объяснено, что народныя чтенія не имѣютъ никакого отношенія къ церковной кружкѣ и жертвовать, у кого есть желаніе, можно было бы въ настоящее военное время на Крас-

ный Крестъ, то всѣ съ этимъ согласились и обѣщали на будущее время по силѣ возможности нести свою лепту на раненаго солдата-защитника дорогой родины.

Съ особенною охотою относились къ чтеніямъ жители деревень. Чтенія у нихъ обставлялись обыкновенно весьма просто и часто переходили въ задушевную бесѣду, такъ что читать въ деревняхъ мы находили для себя больше удовольствія, чѣмъ въ селѣ, гдѣ это дѣло поставлено сложнѣе. А отсюда невольно является желаніе развить народныя чтенія въ деревняхъ и завести для удобства веденія ихъ тамъ опредѣленный порядокъ.

Свящ. І. Филиппевъ.

Разныя извѣстія.

Разобщенность духовенства. Если созерцательное одиночество лицъ, отрѣшившихся добровольно-сознательно отъ міра и мірскаго — несомнѣнно великій подвигъ и высшая добродѣтель, достойная подражанія, то полная разобщенность лицъ, обязанныхъ жить и работать среди живого, движущагося въ постоянной дѣятельности общества, есть по меньшей мѣрѣ вредъ для дѣла, которому эти лица служатъ.

Мы видимъ, что нынѣ всѣ специальности общественныхъ служеній усиленно идутъ къ обобщенію, стремясь выработать общимъ усиліемъ, общей мыслью, по возможности, послѣднее слово для пользы своихъ работъ.

Медицина, педагогика, юристы, военный міръ обѣихъ половинъ суши и воды, міръ финансовый и земледѣльческій сходятся въ своихъ представительныхъ силахъ со всѣхъ концовъ нашей обширной родины, обсуждаютъ вмѣстѣ и свои промахи и недуги, и свои труды и работы, гласно критикуютъ ихъ, или одобряютъ и этимъ вносятъ въ свою специальность всевозможное

общепольное для нея и для общества въ предѣлахъ своего служенія ему.

Результаты несомнѣнной пользы сплоченія специалистовъ на лицо. Техника и медицина, на примѣръ, достигли этимъ чудотвореній, о которыхъ прежде и не мечталось.

Одно и самое первостоятельное сословіе въ этомъ отношеніи отстало отъ прочихъ, это—наше духовное. Мы всё работаемъ—каждый въ одиночку, по своему, у каждаго свой уставъ, свой образъ дѣйствій, а дѣло одно и то же, и дѣло первой важности не только для общества, но и для каждаго его члена, дѣло приведенія чловѣка въ мѣру возраста Христова, гдѣ не должно быть ни разнообразія, ни своеобразія.

Результаты нашего разобщенія весьма печальны и для дѣла нашего, и для насъ, и для общества. Дѣло не двигается впередъ—это видно изъ упадка религіозно-нравственности въ народѣ. Насъ гласно и не гласно укоряютъ въ недѣланіи. Общества не знаютъ, по какому уставу и образцу жить и дѣйствовать, не видя общаго единообразія въ нашихъ дѣйствіяхъ. Мнѣ думается, продолжать такой видъ своей разобщенной дѣятельности въ такое жгучее, по запросамъ духа, время мы не вправѣ по всѣмъ законамъ.

Необходимо просить, теперь же просить разрѣшенія духовенству съѣздовъ по округамъ и обязательно не менѣе 8-10 разъ въ годъ. Округа болѣе и менѣе представляютъ единообразную приходскую единицу, гдѣ 25—30 пастырей въ единеніи духа и сердца обмѣнялись бы практическими и теоретическими мыслями своего дѣла, рѣшили бы ихъ,—обмѣнялись бы совѣтами и знаніями, освѣжились бы отъ затхлаго одиночества живой струей общаго сердечнаго слова—по духу времени и его настоятельныхъ требованій и вычеркнули бы изъ житейскаго кодекса стыдную уже теперь поговорку: „живи каждый молодецъ на свой образецъ“.

Войдемте же въ единство духа и сердца своего великаго дѣланія—сами безъ приказу и указу, а по общей убѣжденности

въ назрѣвшей необходимости этого. Мы этимъ подыдемъ на должную высоту свое дѣланіе, получимъ возстановленіе своего авторитета, принесемъ незамѣнимую пользу и обществу и государству. Возьмемъ, положа руку на сердце, наше школьное, великое дѣланіе или церк.-прих. попечительствъ, какъ оно разнообразно и своеобразно какъ оно нуждается, каждое изъ нихъ, въ нашемъ взаимообщеніи. А отношенія къ церк. старостамъ и къ хозяйству... Однообразіе дѣятельности цѣлаго округа, а потомъ и всей епархіи, поставило бы эти двѣ послѣднія наиважнѣйшія, жизненные артеріи въ самое должное ихъ направленіе, чего сейчасъ мы никакъ не можемъ добиться.

Общепархіальный съѣздъ, обремененный множествомъ работъ, никогда намъ не замѣнитъ съѣздовъ по округамъ. Это будетъ нашъ постоянный, домашній, семейный свѣтъ, братскій, безъ оффиціи и стѣсненій, въ него полностью можетъ войти и благочиннической совѣтъ, по всѣмъ своимъ предметамъ вѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что онъ давно уже только бумажный, а не фактический. (Изъ Тульскихъ Епарх. Вѣдом. 1905 года № 28).

Пастырскій судъ чести. Священникъ Н. Боголюбовъ пишетъ въ Екатер. Епарх. Вѣд., что въ виду обстоятельствъ пастырскаго служенія, создающихся нашимъ временемъ, необходимъ надзоръ пастырей другъ надъ другомъ. Подъ надзоромъ другъ надъ другомъ я разумѣю, пишетъ онъ, судъ чести, судъ товарищей. Будемъ откровенны. Кому не извѣстно, что между нами, къ прискорбію, находится не мало такихъ, которые далеко не отвѣчаютъ запросамъ пастырства какъ по характеру своей дѣятельности, такъ и по благоповеденію! Въ каждомъ благочинн. округѣ духовенство, близко всетаки соприкасаясь другъ съ другомъ приходами и имѣя хоть нѣкую возможность встрѣчаться, знаетъ настолько, насколько не можетъ знать духовенство или, въ частности, того или другого священника дух. консисторія. Въ

округъ знаютъ, „чѣмъ живъ“ тотъ или иной пастырь, а посему знаютъ, какого рода его какъ частная, такъ и служебная жизнь и дѣятельность. Это значеніе и нужно бы использовать для развитія въ духовенствѣ нравственнаго самосознанія и для укрѣпленія въ немъ энергій. Использовать же его можно бы въ такомъ случаѣ, когда пастырскимъ собраніямъ было бы предоставлено право не только разсматривать доклады, проэекты и вопросы, но и оцѣнивать дѣятельность и поступки другъ друга и разсматривать возникающія тяжёбныя дѣла. Въ послѣднемъ случаѣ дѣятельность пастырскихъ собраній, можно съ увѣренностью сказать, была бы на высотѣ своей задачи, являлась вполнѣ безпристрастной. Ибо немислимо, чтобы пастырское собраніе, въ полномъ составѣ благоч. округа, гдѣ не менѣе 10—20 іереевъ, было бы заражено духомъ лицепріятія. Конечно, судъ товарищей пастырей надъ пастыремъ же являлся бы лишь мнѣніемъ пастырскаго собранія, помогающимъ единственному судіи надъ пресвитеромъ—Епископу составлять свой правый приговоръ. Всѣ ли проступки и преступленія пастырей могутъ подлежать суду товарищей, или лишь извѣстный кругъ, объ этомъ я не берусь судить, такъ какъ высказываю лишь общую мысль. Мнѣ могутъ возразить слѣдующее: если предоставить пастырямъ право суда чести, то тогда они только будутъ сибираться для разбора казусныхъ дѣлъ, или же, въ противномъ случаѣ, подобныя дѣла будутъ въ полномъ застоѣ. Но бояться подобной перспективы не стоитъ и вотъ почему: по каждому благочинн. округу не такъ ужъ много найдется разныхъ непріятныхъ дѣлъ, чтобы ихъ нельзя было разсмотрѣть пастырскому собранію. Второе, и главное, это то, что при существованіи суда чести пороковъ и преступленій какъ противъ должности, такъ и противъ нравственности среди духовенства было бы гораздо менѣе, нежели замѣчается теперь, при настоящемъ правовомъ положеніи духовенства. И это вотъ почему: при существованіи суда чести нравственное самосознаніе пастырей выситя настолько, что оно не можетъ индифферентно, или даже

терпимо относиться къ такимъ явленіямъ въ жизни пастыря, которыя задѣваютъ честь всего духовенства какъ сословія, унижаютъ авторитетъ пастыря, служатъ къ губительному соблазну пасомыхъ въ приходѣ и даютъ поводъ ненавистникамъ духовенства лишній разъ бросить въ него комомъ грязи. Это развитіе самосознанія дастъ право надѣяться и на то, что судъ товарищескій былъ-бы не только нелицепріятнымъ, но безпощаднымъ къ порочнымъ дѣйствіямъ пастыря. Эта же нелицепріятность и безпощадность вызвала-бы, въ свою очередь, чувство самосохраненія, а посему и желаніе стать лучшимъ, въ средѣ іереевъ съ привычными наклонностями и привычками, такъ какъ они знали бы, что предъ судомъ чести никакія свидѣтельства, никакія увертки или хитрости не спасутъ ихъ отъ правильной оцѣнки ихъ поступковъ, ихъ вообще жизни и дѣятельности.

Одинъ изъ наболѣвшихъ вопросовъ.—Центральнымъ вопросомъ въ сужденіи о перемѣнѣ быта духовенства необходимо, конечно, считать вопросъ объ его содержаніи. Вопросъ о замѣнѣ платы за богослуженія опредѣленнымъ достаточнымъ жалованьемъ былъ поднятъ еще 30 лѣтъ тому назадъ, помнится, на страницахъ бывшаго „Церк.-Общ. Вѣстника“; извѣстны резоны, приводившіеся за и противъ этой замѣны; соображенія, высказывавшіяся „противъ“, всѣ, кажется, сводились къ тому, что въ такомъ случаѣ духовные-де сдѣлаются „чиновниками“, потеряютъ „связь“ съ паствой. Неужели же въ наше время еще найдется хотя одинъ человѣкъ, который счелъ бы возможнымъ признать какую-нибудь состоятельность этихъ, съ позволенія сказать, „резоновъ“? Можно-ли опасаться, вслѣдствіе замѣны ручной мзды жалованьемъ, „чиновничества“ духовенства въ наши дни, когда постоянно приходится слышать упреки по адресу духовныхъ именно за то, что они---„чиновники“; что же касается пресловутой „связи“ пасущихъ съ пасомыми на экономической почвѣ,

то—о, да!---существуетъ связь между ними, но связь кандалъ-ная, унижительная для той и другой стороны. Непререкаемая взаимная зависимость и возможный широкій обоюдный произволь, — вотъ тѣ два фактора этой связи, ясно опредѣляющіе нравственную ея цѣнность или, точнѣе, безнравственную, деморализирующую обѣ стороны и ея сущность. Иллюстрацій къ этому можно бы привести много. Еще будучи въ Петербургѣ, намъ пришлось слышать отъ одного изъ волынцевъ разсказъ о священникѣ, запросившемъ высокую плату за погребеніе и затѣмъ узрѣвшемъ мертвеца привезеннаго и положеннаго на крыльцѣ его дома; это — „связь“; не устраивая для своихъ прихожанокъ—бабъ (sic) попойки, сопровождающейся разными безобразіями, священникъ рискуетъ своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ (см. № 14 Вол. Еп. Вѣд.: „Бабій Велыкдень“). Это — тоже связь. Позорные торги за совершеніе таинства брака, приношеніе при этомъ пастырю водки, куриць, пререканія на этой почвѣ, словомъ, открытое и признаваемое съ обѣихъ сторонъ торгашество святыней. Это— все та же связь.

Кажется, дѣло здѣсь такъ ясно, что не требуетъ и комментариевъ. Что противъ могутъ сказать защитники непосредственнаго „взиманія“? Скажутъ ли, что, въ случаѣ обложенія налогомъ прихожанъ и полученія духовенствомъ этого налога черезъ казенную палату и казначейство, чрезмѣрно увеличится бесплатное тогда количество служеній, — молебновъ, панихидъ, напр...? Думается, — нѣтъ, такъ какъ есть же у каждаго смыслъ, совѣсть, состраданіе: неужели заставятъ причтъ прихожане, вообще имѣющіе не такъ ужъ много праздниковъ и отдыха, служить для нихъ съ утра и до поздняго вечера.

Дай Богъ, чтобы постыдное торгашество святынею исчезло съ лица земли Русской! чтобы служащимъ Церкви дана была возможность служить, не помышляя обѣ унижительномъ прошеніи мзды послѣ служенія! чтобы сопряженные съ нынѣшнимъ ненормальнымъ порядкомъ въ этомъ дѣлѣ—вымогательства, распри,

недоумѣнія, беззаконія, безчинства отошли въ область преданій!
(Изъ Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 1905 г. № 21).

О свободѣ для пастырской дѣятельности.— Давно уже раздаются голоса о томъ, что наше духовенство безучастно, равнодушно относится къ общественнымъ вопросамъ, что оно „молчитъ“ въ то время, когда слѣдовало бы ему говорить и силою своего пастырскаго слова вносить въ общественную среду умиротвореніе, утѣшеніе, авторитетное разъясненіе, въ чемъ такъ многіе нуждаются и чего ожидаютъ многіе именно отъ духовныхъ дѣятелей. Но не многіе знаютъ истинную причину этого явленія—отсутствіе свободы для пастырской дѣятельности; не многіе понимаютъ то стѣсненіе, какимъ ограничено пастырское слово и живая организаторская дѣятельность пастыря. Объ этомъ свидѣлствуютъ жалобы самихъ стѣсненныхъ.

Въ „*Правосл. Собес.*“ А. Θ. касается причинъ пастырскаго „молчанія“ въ виду больныхъ общественныхъ вопросовъ. Одной изъ главныхъ причинъ авторъ считаетъ гнетъ проповѣднической цензуры. „Правящая верховная власть объята все время какимъ-то тревожно-мучительнымъ опасеніемъ, какъ бы та свобода, которая представляется проповѣднику при живомъ устномъ словѣ, не повела къ униженію строго церковнаго характера этого слова“. И вотъ цензура борется съ подлинной жизненностью проповѣди, вгоняетъ ее въ рамки традиціаннаго стиля, „принимаетъ обидный, чернильно-канцелярскій видъ какой-то административно-чиновничьей гомилетики“, которая зачеркиваетъ достоинство проповѣдника, низводя его въ положеніе школьника, убиваетъ вдохновеніе, губитъ правду живого слова и превращаетъ проповѣдь въ отрѣшенную отъ дѣйствительности „праздничную обрядность“. Однако, авторъ не преувеличиваетъ значенія цензуры и указываетъ еще на одну основную и характерную нашу бы-

товую черту, объясняющую пастырскую уклончивость отъ рѣшенія вопросовъ жизни.

„Гораздо болѣе внѣшней свободы,—говоритъ онъ,—нужна учащемуся сословію русской Церкви свобода внутренняя, освобожденіе отъ того духовнаго рабства, которое вѣлось въ плоть и кровь нѣкоторыхъ нашихъ пастырей и прорывается наружу при всякомъ поводѣ. Льстивое прислуживанье наличному положенію и оправданіе его—составляетъ тяжелую болѣзнь и давнишній грѣхъ нашего высшаго и низшаго духовенства. Много, конечно, условій вліяло на развитіе въ нашемъ духовенствѣ этого рабскаго духа, не безъ вліянія были здѣсь и уроки нашей русской исторіи, которая, по выраженію покойнаго проф. Кипарисова, „не оставила духовенству иного преданія, кромѣ доказывающаго, что всякій иной духъ, кромѣ приниженности, не ведетъ къ добру“. Можетъ ли, спрашивается, развиваться при такихъ условіяхъ живое слово? „Рабъ можетъ изучить всякую науку, но не можетъ быть ораторомъ“, сказалъ одинъ изъ др. греческихъ философовъ. Хотя ораторство и проповѣдничество и не одно и то же, это не значитъ, однако, чтобы мысль греческаго философа не имѣла никакого приложенія и къ церковному проповѣдничеству: рабъ (хотя бы только въ духовномъ смыслѣ) не можетъ быть искреннимъ подлинно-Христовымъ проповѣдникомъ, ему не будутъ вѣрить и слушать“...

По поводу этихъ словъ „Церковный Вѣстникъ“ замѣчаетъ: для смягченія столь строгихъ самообличеній слѣдуетъ замѣтить, что подчеркнутый порокъ не составляетъ какого-то особеннаго отличія нашего духовенства, а въ равной мѣрѣ свойственъ и другимъ слоямъ русскаго общества. Рабство—это нашъ выдающійся, извѣстный на весь свѣтъ, національный грѣхъ, за который мы несемъ теперь ужасающую расплату. Оно культивировалось вѣками и поддерживалось сложной системой опредѣляющаго насъ уклада.

Практическую цѣнность „внѣшней свободы“ пастырской дѣятельности отъ стѣсняющихъ ее условій прекрасно сознаетъ свящ. Е. Капраловъ въ статьѣ: „Вѣротерпимость и наши нужды“ („Рук. для сел. п.“ № 19). Напоминая, что теперь пастырямъ приходится быть отвѣтственными за дѣло сохраненія и укрѣпленія Церкви православной, онъ умоляетъ облегчить имъ эту трудную задачу дарованіемъ необходимѣйшей свободы. Онъ пишетъ:

„Мы готовы на дѣло. Но мы понимаемъ, но мы съ болью сердца видимъ, что только избранникамъ Неба, исключительно одареннымъ героямъ подвига и долга, дано подчинять себѣ всѣ случайности и препятствія жизни. Мы понимаемъ, что среднихъ силъ пастырь—не герой и не геній, а немощью обложенный человекъ, которому и при добромъ желаніи, по человечеству, не всегда дано осилить искушительныя испытанія, связывающія его слово и руки, и которому, поэтому, падаютъ въ несчастный жребій такъ часто и ошибки и несправедливыя укоризны... Мы готовы на дѣло и при немощи нашей. Но, ради Бога, надо же быть, наконецъ, справедливыми хоть теперь, когда вопросъ о возрожденіи нашего пастырскаго вліянія становится вопросомъ о цѣлости и бытіи русскаго православія вообще. Надо же, наконецъ, честно признать, что спутанныя руки не способны къ славной работѣ, трепещущія страхомъ уста—несильны горѣть пламенемъ слова, запуганная, вѣчно язвимая и унижаемая совѣсть притупляется, умолкаетъ или сгораетъ въ недостойныхъ жизненныхъ компромиссахъ... И потому, когда развязывается совѣсть мертвыхъ вѣрою, да позволено будетъ имѣть дерзновеніе просить и себѣ милости. Это—наше право, еще въ большей мѣрѣ—наша обязанность“...

Въ качествѣ яркой иллюстраціи того, къ какому формализму можетъ приводить на практикѣ та канцелярски-административная система, которая опутываетъ служителей церкви на каждомъ шагу, и какъ необходимо освобожденіе отъ нея, приводимъ слѣд. строки изъ „Недѣли“ (№ 30). Авторъ замѣтки „Къ случаю“

пишетъ по поводу гибели эскадры Рожественскаго, что вѣсть объ этомъ колоссальномъ несчастіи произвела на всѣхъ сыновъ Россіи крайне удручающее впечатлѣніе. „Казалось бы,—говоритъ онъ,—что въ такой моментъ въ Россіи не можетъ быть народности, класса, сословія, отдѣльной личности, которые не отозвались бы горячо на эту страшную вѣсть. А между тѣмъ такіе люди нашлись. Нашлось цѣлое сословіе, которое, повидимому, отнеслось къ гибели русской эскадры совершенно индифферентно, какъ къ чему-то заурядному или „его не касающемуся“; это сословіе—русское православное духовенство...

Наше православное духовенство, даже несмотря на исключительность положенія, не посмѣло немедленно же вслѣдъ за полученіемъ печальныхъ извѣстій широко открыть двери храмовъ и пригласить свои паствы всенародно отслужить панихиды по павшимъ воинамъ и молебны о скорѣйшемъ дарованіи своей многострадальной, окровавленной, обнищавшей, поруганной родинѣ такъ необходимаго ей успокоенія!

У духовенства господствующей въ государствѣ религіи не хватило мужества безъ особаго на то приказа соответствующихъ чиновниковъ совершить богослуженіе въ неустановленный день и часъ, и оно спокойно ждало этого приказа, хотя знало, что души пасомыхъ имъ именно въ этотъ моментъ были открыты Богу.

Въ то время, когда душа cadaго русскаго человѣка, преисполненная скорби, рвалась въ храмъ Божій, чтобы дать излить свою скорбь, помолиться о павшихъ, храмы оказались запертыми. Удивительно ли, если въ то время, когда наконецъ священники откроютъ храмы, въ нихъ явятся только тѣ, кто по своему оффиціальному положенію обязанъ „присутствовать“ на всѣхъ торжественныхъ богослуженіяхъ, кто обычно идетъ въ храмъ очень неохотно и, во всякохъ случаѣ, безъ необходимаго для молитвы чувства“. (Изъ Арханг. Епарх. Вѣд. 1905 г. № 13).

А. Рук.

Х Р О Н И К А.

Архіерейскія служенія.—14 августа, воскресенье, Божественную литургію Преосвященнѣйшій Филаретъ совершалъ въ Каѳедральномъ соборѣ. Послѣ литургіи былъ отслуженъ Его Преосвященствомъ, въ сослуженіи всего духовенства г. Вятки, благодарственный Господу Богу молебенъ по случаю обнаруженія Высочайшаго манифеста, отъ 6 августа 1905 года.

— 21 августа, воскресенье, Божественную литургію Владыка совершалъ въ Каѳедральномъ соборѣ.

— 28 августа, воскресенье, Божественную литургію въ Каѳедральномъ соборѣ совершалъ Преосвященнѣйшій Павелъ, Епископъ Глазовскій.

— 29 августа, „Усѣкновеніе честныя главы св. Іоанна Крестителя“, Божественную литургію Преосвященнѣйшій Филаретъ совершалъ въ Каѳедральномъ соборѣ.

— 30 августа, день памяти благовѣрнаго великаго Князя Александра Невскаго, Божественную литургію Владыка Филаретъ совершалъ въ Александро-Невскомъ Филейскомъ монастырѣ. Преосвященнѣйшій Павелъ въ этотъ день совершалъ литургію въ Александро-Невскомъ соборѣ г. Вятки.

Посѣщеніе г. Слободского Преосвященнѣйшимъ Филаретомъ.—15 августа, послѣ окончанія литургіи, Преосвященнѣйшій Филаретъ выѣхалъ изъ Вятки въ г. Слободской. Вечеромъ въ этотъ день Владыка совершалъ всенощное бдѣніе въ мужскомъ монастырѣ г. Слободскаго, въ сослуженіи о. намѣстника и іеромонаховъ монастыря, а 16, въ день храмоваго праздника, отслужилъ Божественную литургію въ женскомъ монастырѣ, въ сослуженіи монастырскаго духовенства и вечеромъ этого же дня возвратился въ г. Вятку.

Пожертвованія на Красный Крестъ.—Въ Вятское управленіе Россійскаго Общества Краснаго Креста на нужды войны съ Японіей поступило пожертвованій по 20 августа 1905 г. 190536 руб. 98 коп.

Изъ писемъ съ войны.—Въ Редакцію Епарх. Вѣдом. нѣсколько времени тому назадъ доставлено письмо одного изъ участниковъ Русско-Японской войны, озаглавленное такъ: „О спасительной силѣ духовнаго благословенія“. Авторъ письма рассказываетъ, что во время сраженія въ сентябрѣ 1904 г. одному рядовому Барнаульскаго пѣхотнаго полка ударила пуля въ грудь. Почувствовавъ сильный ударъ, солдатъ тотчасъ же сталъ осматривать свою грудь, чтобы убѣдиться, не раненъ ли онъ. Оказалось, что пуля, прострѣливши мундиръ и рубашку, не причинила однако самому солдату никакого вреда, такъ какъ ударилась въ висящій на груди мѣдный крестъ, которымъ благословилъ солдата поредъ отъездомъ на войну мѣстный приходскій священникъ. Крестъ только оказался немного погнутымъ. Случай этотъ, по словамъ автора письма, произвелъ на солдатъ сильное впечатлѣніе, такъ какъ всѣ ясно увидѣли въ немъ спасительную силу священническаго благословенія, и побудилъ многихъ написать письма своимъ духовнымъ отцамъ съ просьбой прислать имъ крестъ или образокъ для ношенія его на груди.

Изъ жизни церковныхъ школъ Вятской епархіи.—Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Филаретомъ, Епископомъ Вятскимъ и Слободскимъ, утверждены: членомъ-дѣлопроизводителемъ Вятскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта преподаватель Вятскаго духовнаго училища Михаилъ Николаевичъ Рѣшетниковъ; дѣлопроизводителемъ Нолинскаго уѣзднаго Отдѣленія Совѣта священникъ Василій Курбановскій и попечителемъ Мо-

дестовской церковно-приходской школы земскій начальникъ 6 участка Платонъ Дмитриевичъ Воейковъ.

Вятскимъ Епархіальнымъ училишнимъ Совѣтомъ выражена благодарность Вятскому купцу Николаю Ивановичу Клабукову за пожертвованный имъ домъ для Нововолковской церковно-приходской школы Глазовскаго уѣзда и крестьянину села Вознесенско-Вахрушевскаго, Слободскаго уѣзда, Петру Александровичу Вахрушеву за пожертвованіе имъ въ Вознесенско-Вахрушевскую церковно-приходскую школу швейной машины „Зингеръ“, стоимостью 58 рублей.

По Малмыжскому уѣзду. Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ отпущено 100 руб. на ремонтъ зданія Уварвайской церковно-приходской школы, 1000 руб. на постройку зданія для церковно-приходской школы въ селѣ Мушковаѣ и 1500 руб. пособія на всѣ церковныя школы уѣзда.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, почетный гражданинъ гор. Малмыжа, коммерціи совѣтникъ Михаилъ Дмитриевичъ Батуевъ утверждень въ званіи почетнаго попечителя церковныхъ школъ 1-го благочинія Малмыжскаго уѣзда, за сдѣланное имъ пожертвованіе, въ количествѣ 800 рублей: при самомъ открытіи Отдѣленія онъ внесъ 300 руб. для образованія основнаго капитала Отдѣленія (деньги хранятся въ процентныхъ бумагахъ); въ настоящемъ году онъ пожертвовалъ 500 руб. на постройку зданія для Малмыжской женской церковно-приходской школы.

Членомъ Отдѣленія П. И. Александровымъ, душеприказчикомъ его родной тетки А. В. Шмелевой, пожертвовано на постройку зданія для Малмыжской церковно-приходской школы, съ помѣщеніемъ въ немъ уѣздной бібліотеки-читальни, 1400 руб.

Уѣздный миссіонеръ, священникъ Иванъ Маракулинъ назначень сверхштатнымъ членомъ Отдѣленія Совѣта Вознесенскаго Братства.

Списокъ о.о. депутатовъ Епархіального съѣзда.—Сообщаемъ списокъ о.о. депутатовъ продолжающагося въ гор. Вяткѣ Епархіального съѣзда: *Вятскій уѣздъ*: городское благоч. Протоіерей о. Николай Серебrenиковъ; 1-го округа—с. Никульчина о. Илья Романовъ, 2-го округа—с. Кумены о. Іоаннъ Поповъ, благочин., 3-го округа—с. Ржаного Полома о. Влад. Сушковъ.—*Глазовскій уѣздъ*: 1-го округа благоч. гор. Глазова о. Александръ Костровъ, благоч., 2-го округа—завода Залазнинскаго о. Петръ Утробинъ, благоч., 3-го округа—протоіерей с. Лемы о. Викт. Сергіевъ, благоч., 4-го округа—с. Балезина о. Василій Дерновъ, благоч., 5-го округа—с. Валамаза о. Іоаннъ Авраамовъ, 6-го округа—с. Юкаменскаго о. Іоаннъ Домрачевъ, благоч.—*Елабужскій уѣздъ*: отъ городск. благоч. о. Александръ Вечтомовъ, 1-го округа—с. Грахова о. Александръ Кибардинъ, благоч., 2-го округа—с. Крымской Слудки о. Николай Дьячковъ, 3-го округа—с. Можги о. Николай Евтроповъ.—*Котельничскій уѣздъ*: отъ городск.—Николаевской церкви о. Владим. Лобовиковъ, благоч., 1-го округа—с. Ацвежа о. Петръ Галицкій, 2-го округа—с. Вехрхотуля о. Ал. Ливановъ, 3-го округа—с. Ивановскаго о. Михаилъ Лучининъ, благоч., 4-го округа—с. Владимірскаго о. Іоаннъ Двиняниновъ.—*Малмыжскій уѣздъ*: 1-го округа—с. Цыпы о. Аркадій Шубинъ, благоч., 2-го округа—с. Водзимонья о. Ал. Дрягинъ, благоч., 3-го округа—с. Удугучина о. Мих. Елабужскій.—*Нолнинскій уѣздъ*: городск. благоч.—о. Алексій Іорданскій, 1-го округа—с. Кырчана о. Іоаннъ Лобовиковъ, 2-го округа—с. Ильинскаго о. Николай Ергинъ, благоч., 3-го округа—с. Ишети о. Николай Мухачевъ.—*Орловскій уѣздъ*: городск. благоч.—Троицкой церкви о. Николай Блиновъ, 1-го округа—с. Истобенскаго о. Михаилъ Введенскій, 2-го округа—с. Верховина о. Алексій Лопатинъ, 3-го округа—с. Средне-Ивкина о. Василій Домрачевъ.—*Слободской уѣздъ*: городск. благоч.—Срѣтенской ц. о. Николай Юферевъ, 1-го округа—с. Лекмы о. Илія Томиловъ, 2-го округа—с. Су-

ны о. Іоаннъ Верещагинъ, 3-го округа — с. Кинчина о. Іоаннъ Емельяновъ, 4-го округа — с. Мулина о. Ѳеодоръ Вечтомовъ, 5-го округа завода Кирсинскаго о. Петръ Лопатинъ, благоч. — *Сарапульскій уѣздъ*: городск. благоч. — Троицкой церкви о. Михаилъ Рухлядевъ, 1-го округа — с. Чеганды о. Ал. Калашниковъ, 2-го округа — с. Козлова о. Симеонъ Сениловъ, 3-го округа — с. Нылги-Вамьи о. Влад. Пинегинъ, 4-го округа — с. Большой Пурги о. Іоаннъ Шкляевъ, 5-го округа — завода Воткинскаго о. Петръ Лупповъ, отъ Ижевскаго завода о. Іоаннъ Анисимовъ. — *Уржумскій уѣздъ*: городск. благоч. — наблюдатель церк. шк. о. Стефанъ Поповъ, 1-го округа — с. Бол.-Ройскаго о. А. Шерстенниковъ, благоч., 2-го округа — с. Лебяжья о. Констант. Шишкинъ, благоч., 3-го округа — с. Сернура о. Іоаннъ Коровавевъ, благоч., 4-го округа — с. Косолапова о. Ник. Тронинъ. — *Яранскій уѣздъ*: городск. благоч. — Троицкой церкви прот. о. Николай Огневъ, 1-го округа — гор. Царевосанчурска о. Христофоръ Аѳанасьевъ, 2-го округа — с. Жерновогорскаго о. Ал. Аѳанасьевъ, 3-го округа — с. Лома о. Василій Кибардинъ, 4-го округа — с. Кугушерги о. Николай Романовъ, 5-го округа — с. Кикнура о. Василій Курбановскій, благоч.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

Высшіе женскіе естественно-научные курсы

С. Петербургъ. Невскій. 88.

Подготовительные въ женскій медицинскій институтъ и къ преподаванію естествовѣдѣнія, въ 1906 году открывається 3-й (окончательный курсъ).

Пріємъ прошеній на 1905—1906 учебный годъ
продолжается. Плата—75 руб. полугодіе.

Учредители курсовъ: начальница гимназіи М. А.
Лохвицкая-Скалонъ. Проф. С.ПБ. университета д-ръ
Заологіи В. М. Шимкевичъ.

ПРОГРАММЫ ВЪ КАНЦЕЛЯРИИ.

СОДЕРЖАНІЕ:—Поэту.—Воспоминанія о. Преосв. Мелетіи, Епис-
копъ Рязанскомъ и Зарайскомъ.—Религіозныя вѣрованія чере-
мись. (Продолженіе).—Преддверіе Зюздинскаго края.—Народныя
чтенія въ с. Сунѣ, Нол. уѣзда.—Разныя извѣстія.—Хроника.—
Объявленія.

Редакторы { *Н. Гусевъ.*
А. Рукинъ.

Дозв. цензур. Вятка 28 іюля 1905 г. Ценз. Прот. *Н. Кувшинскій.*

„Вятскія Епархіальныя Вѣдомости“ выходятъ два раза въ мѣсяць — 1 и 16-го числа. Цѣна годовому изданію въ Редакціи 5 руб., а съ доставкою на домъ въ г. Вяткѣ и пересылкою въ другія мѣста 6 руб. За печатаніе объявленій въ одномъ номерѣ—за каждую строку 15 коп., а въ нѣсколькихъ номерахъ по 10 коп. Цѣна каждаго отдѣльнаго номера 30 коп. Подписка принимается въ квартирѣ редактора, преподавателя Епархіальнаго Училища Николая Гусева. (Уголь Царевской и Орловской ул., д. Рослякова).
